

Ср. также рус. диал. *сика* 'тот, кто мочится', а также новг. *ссюн. сся-кота, ссякуш* 'муравей' [НОС 10, 145] от *ссать* < *сцать* < **сьсати*.

С указанными фактами следует связывать и пск. *сиктяшник* 'муравейник', расцененное М. Фасмером как неясное наряду с дон. *сикля* 'какая-то маленькая рыбка' [Фасмер 3, 620]. География последнего слова, упущенного Ю. А. Лаучюте, свидетельствует против балтийской этимологии упомянутых выше рус. диал. *сикла, сикля* 'уклейка', к которым следует добавить новг. *сикáв(к)а* 'мелкая рыбешка', сингулятив *сикáвина* [НОС 10, 54], вероятно, и рус. (Причерноморье) *сик, сиковка, сиколка* 'подкаменный голец' [Даль² 4, 184].

14. Рус. (новг., олон., Прибалтика) *скáнец* 'лепешка с творогом' (= новг. *скáнец* 'тонкая лепешка из пресного или кислого теста, испеченная перед огнем, свернутая пополам и начиненная творогом, картофелем и др.' [НОС 10, 66]), не раз фигурировавшее в литературе о балтизмах и сравнивавшееся с лит. *skanėsis* 'лакомство, деликатес', *skanūs* 'вкусный, лакомый' [СБ, 131; Zinkevičius, 266], прекрасно этимологизируется на русской почве: от *скáный* (= новг. *скáный* 'соединенный из двух нитей в одну' [НОС 10, 66]), пассивного причастия к *с(ъ)кать, с(ъ)ку* 'сучить, раскатывать (тесто, нитки)'. Ср. болг. *бáница* 'слоеный пирог с сыром и проч.' < праслав. **гъбанѣца* от **гъбати* 'сгибать' [ЭССЯ 7, 187].

15. Белор. диал. *смóргать* 'чесать на гребне', *смóргаца* 'разорваться, протираться', согласно Э. Блесе и Ю. А. Лаучюте, являются балтизмами, связанными с лтш. *smurgatiēs* 'пачкаться, грязниться' [СБ, 72]. В действительности, однако, речь идет о генетически родственных словах. Белор. *смóргать* правильно продолжает праслав. **smьrgati* – как и белор. *смóргаць* 'часто шмыгать носом', рус. диал. *сморгáть* 'сморгаться', 'очищать прут от листьев, веревку от костры' [Фасмер 3, 691].

Н. В. Кабинина
Екатеринбург

Об этимологических истоках русского диалектного *ижора*¹⁰

Русское диалектное *ижора* как имя нарицательное зафиксировано в трех деревнях Мезенского района Архангельской области и представлено только в материалах КСГРС в значениях 'отходы от обработки льна или конопли', 'двойная нить, свитая из льняной (конопляной) пеньки и шерсти'. По свидетельствам информантов, из *ижоры* вязались рабочие рукавицы и полотно сетей – *неводно́*. Последнее обстоятельство позво-

¹⁰ Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования РФ (грант Г02-1.6-111).

ляет связывать с известным ныне *ижора* наименование сети *ижорка* (*ижерка*). отмеченное в письменных источниках, относящихся к холмогорским землям¹¹. В названии сети, вероятно, получил отражение дифференцирующий признак «изготовленный из двойной (пенька и шерсть) нити»: известно, что такие сети являлись более прочными и ценились выше обычных, вязавшихся из простой пеньковой пряжи.

Обращаясь к этимологической интерпретации лексемы, прежде всего укажем на принципиальную возможность собственно русского происхождения слова, если оно возникло из **изжора* < **изжирать* (*выедать*). В таком случае **изжора* в буквальном смысле 'то, что выедается, извлекается выеданием' (отходы). «Выедание» как образное представление о процессе обработки растительного сырья не кажется совершенно невозможным для славянского видения этого процесса: ср. рус. диал. *рот* 'углубление мялки', *язык* 'часть приспособления для трепания льна' [КСГРС], а также общеязыковое семасиологическое соотношение «мять ~ съедать».

Первым препятствием для разработки данной версии мог бы служить тот факт, что и глагол *изжирать*, и его видовая пара не фиксируются словарями русского языка. Однако, вопреки показаниям словарей, отсутствие производящего глагола в данном случае нельзя считать безусловным, на что указывает лексема *изжоранье*, встречающаяся в фольклорных текстах на территории того же Мезенского района: «И отведи кнегиню да во цисто поле... и черным воронам да ты на курканье, и белым лебедям да на *изжоранье*» [СРНГ 12, 134].

Более существенными для исконной этимологической версии оказываются препятствия фонетического и семантического характера. Во-первых, слово устойчиво фиксируется без приставки: *ижора*, а не *изжора* в современных полевых материалах КСГРС и *ижорка* / *ижерка*, а не *изжорка* / *изжерка* в письменных источниках отдаленного прошлого. Во-вторых, несмотря на указанную выше теоретическую возможность, для предполагаемого **изжора* даже на широкой славянской почве все-таки не удастся подтвердить соответствующую модель номинации. Отходы от обработки растительного сырья обычно получают название по тому действию, которое с этим сырьем производится (*отрепья*, *огребье*, *очеси*, *пачеси* и т. п., связанные с *трепать*, *грести*, *чесать* и т. д.). Весьма редки исконно русские лексемы, в которых отражаются другие мотивы номинации, но и среди таких лексем пока не обнаружено слов, каким-либо образом реализующих мотив «выедания».

¹¹ Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Ч. 2 // Русская историческая библиотека. СПб., 1894. Т. 14. С. 249.

Эти обстоятельства в совокупности с фактом локальной северо-русской географии диалектного *ижора* позволяют, на наш взгляд, искать источник слова за пределами русского языка. В связи с этим нельзя не отметить, что при всей глубине исконно русских традиций прядения и связанных с ним работ лексические заимствования в этой сфере все же изредка встречаются в говорах (ср., например, рус. диал. *куглина* 'семенные коробочки льна', восходящее к фин. *kouhla* 'головки льна' [Kalima, 138]).

Лингвогеографические показания и специфический консонантизм диалектного слова ведут к поиску его этимологического источника прежде всего в карельском языке, где действительно обнаруживается *joužera*, фонетически близкое рус. *ижора* (*ижера*). Однако карельское слово, как и соответствующее ему фин. *jousiora*, имеет значение 'сверло; бурав' и тем самым, казалось бы, не может связываться с *ижора*.

Такое заключение теряет силу при обращении к данным многотомного словаря карельского языка «*Karjalan kielen sanakirja*», наиболее широко представляющего диалектную лексику. Согласно KKS, рассматриваемая карельская лексема, известная не только в варианте *joužera*, но и в вариантах *joužura*, *joušura*, *jousera*, *jousiora*, *jousura*, *jouzera*, *jeuzora*, *jeusora*, претерпела в некоторых диалектах значительный семантический сдвиг и приобрела наряду со значением 'бурав' значения 'прялка; самопрялка' [KKS, 493, 512]. Очевидно, что в этих вторичных значениях карельское слово вполне может быть связано с рус. диал. *ижора*: логику этой связи мы и попытаемся обнаружить в дальнейшем.

Обратимся прежде всего к анализу предполагаемого карельского слова-источника. Авторы SKES рассматривают его как весьма древнее сложение, восходящее к *jousi-ora* (приб.-фин. *jousi* 'дуга; лук' и *ora* 'шило; сверло, бурав'). По некотором размышлении становится ясно, что некогда прозрачная внутренняя форма слова – «лук-сверло», «лук-бурав» – прямо отражает древнюю конструкцию бурава, в котором для вращения сверла использовалась упругая сила лука, т. е. тетивы, натянутой на лукообразную раму и закручивавшейся для получения инерционного эффекта. Подобное устройство известно у многих народов – ср., например, русские наименования аналогичного приспособления, сходные по внутренней форме с прибалтийско-финским: *лучок сверлильный* 'род смычка, коим вертят снаряды взад и вперед' [Даль² 2, 272], *лучковое сверло* 'сверло, приводимое в движение посредством струны, натянутой как тетива на луке' [ССРЛЯ 6, 406].

Очевидно, что основанием для семантического перехода *сверло* → *прялка* могло являться лишь существенное сходство соответствующих

реалий. Обычная прялка, имеющая весьма простую угловидную форму, вряд ли может считаться похожей на древний лук-бурав. Существенное сходство можно усматривать скорее в наличии принципиально общей вращающей детали – привода, *лучка*. Иначе говоря, карельское диалектное слово понималось в момент вышеуказанного семантического перехода как «прялка с лучком», т. е. обозначало, по сути, самопрялку (ср. рус. диал. *лучок* ‘привод самопрялки’ [СРНГ 17, 214]). Таким образом, по всей вероятности, первоначально в карельском языке имел место переход *сверло, бурав* → *самопрялка*.

Нельзя не видеть, что одной из причин подобного перехода явилось фонетически обусловленное затемнение древней внутренней формы карельского слова. На это прямо указывают варианты со «стертым» вторым компонентом (< *ora*): *joužera, jouzura, joušura, jousera, jousura, joužera*, тогда как первый компонент в этих же словах (< *jousi* ‘лук’) сохранился значительно лучше. В дальнейшем же семантическом расширении *самопрялка* → *прялка* нет ничего необычного.

Сейчас в говорах Русского Севера не обнаруживается прямых лексических свидетельств заимствования карельского слова в значениях ‘прялка; самопрялка’. Однако данные топонимии свидетельствуют о том, что в прошлом населению некоторых мест Архангельской области *ижера* ‘прялка’ было известно.

Изложение доказательств этого тезиса следует начать с того, что рус. *прялка* во всех его морфологических и лексических воплощениях крайне непродуктивно в топонимии Русского Севера. На несколько сотен тысяч топонимов, содержащихся в ТК ТЭ, приходится всего три названия, связанных с данным словом. Это сенокос *Прялка* в Каргопольском районе, ручей и урочище *Прялка* в Пинежском районе и урочище *Пряховнины Поляны* в Плесецком районе (для последнего ср. диал. *прыхя* ‘ручная прялка’, ‘прялка для изготовления рыбацких сетей’, *прыхолка* ‘ручная прялка’, ‘самопрялка’ [СРНГ 33, 97; КСГРС]). «Нетопонимичность» широко известной русской лексемы может интерпретироваться по-разному. Однако в данном случае более значимым становится тот факт, что во всех трех представленных случаях русские названия оказываются в рамках весьма разветвленных гнезд субстратных топонимов с основами *иж-* /*ижер-* (подчеркнем, что в других регионах Русского Севера нет ни таких гнезд, ни русских топонимов-«прялок»). Наиболее показательна ситуация в Плесецком районе. Здесь в отношениях географической смежности с урочищем *Пряховнины Поляны* оказываются покос *Ижернема* и ручей *Ижеренский*. Они, как можно предполагать, в свою очередь связаны с названием урочища *Ижера*, фикси-

руемым в «Дозорной книге» Приозерья (позднее Плесецкий р-н) в начале XVII в. [ПИРС].

Изложенные факты вряд ли могут быть цепью случайных совпадений и неизбежно приводят к предположению о топонимическом калькировании, а следовательно, и былой известности **ижера* '(само)прялка' в диалектной лексике Русского Севера.

Дальнейшее исчезновение слова в значении 'прялка' могло иметь целый ряд причин. Если карельская лексема обозначала самопрялку, что, как показано выше, наиболее вероятно, то одной из главных причин ее исчезновения на Русском Севере, скорее всего, явилось постепенное вытеснение и утрата самой реалии, чужой и непривычной для русских (по замечанию известного этнографа Д. К. Зеленина, самопрялки вообще плохо приживались на Руси¹²). Однако в сохранившемся диалектном *ижора* 'пенька; двойная нить' можно усматривать рефлекс утраченного слова, поскольку для изготовления и двойной нити, и грубой пеньковой пряжи, которые использовались для плетения рыбацких сетей, наиболее приспособлена именно самопрялка. Иными словами, в условиях этнического взаимодействия для чужого, «непрозрачного», исчезающего слова в русском языке могли оказаться возможными семантические переходы *самопрялка* → *двойная нить*, *самопрялка* → (*пеньковая пряжа*) → *пенька*. Подобное развитие, впрочем, нельзя полностью исключить и для собственно *прялка*, особенно если иметь в виду известный факт былого существования специальных «рыбацких» прялок, которые отличались от обычных размером и конфигурацией.

Предложенная этимологическая гипотеза, базирующаяся главным образом на данных семантики, нуждается, конечно, и в некоторых фонетических комментариях, касающихся передачи начального карел. *jou / jeu* ~ рус. *и*. Есть достаточно оснований полагать такую передачу возможной и при некоторых условиях даже закономерной.

Наиболее простое объяснение начального рус. *и* возникает при возведении его к начальному карел. *jeu*, отраженному в целом ряде фонетических модификаций карельской лексемы. Как известно, приб.-фин. *e* в составе дифтонгов нередко передается рус. *и*. Один из первых примеров такой передачи приведен в классической работе Я. Калимы, связывающего рус. диал. *кивжа* 'веревка, за которую вытягивают невод' с карел. *кеӯйи* 'веревка, бечева' [Kalima, 116]. Данное заимствование иллюстрирует также возможность выпадения второго элемента прибалтийско-финского дифтонга, поскольку наряду с *кивжа* в говорах Русского Севера в том же значении встречается и *кижа* [КСГРС]. Не исключено, что выпадение второй части дифтонга, обычно передаваемой

¹² Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 181.

рус. *и*, отчасти обязано ослабленной – билабиальной – артикуляции этого звука в говорах некоторых территорий Русского Севера.

Кроме того, нельзя не отметить, что в процессе предполагаемого заимствования в говорах Русского Севера произошла фиксация ударения не на первом, а на втором слоге сложного карельского слова. Это обстоятельство может объяснить возникновение начального *и* не только из *je(u)*, но и из *jo(u)*. Начальное рус. *и* < карел. *jo(u)* возможно и в том случае, если заимствование было достаточно ранним, когда в русском языке еще не завершился процесс перехода *e* в *o*, т. е. иноязычное *jo* не могло передаваться идентично.

В заключение позволим себе отметить еще одну особенность русской диалектной лексики, а именно фонетически странное для XVII в. колебание *ижорка* / *ижерка*, наблюдающееся в письменных фиксациях этого времени. Трудно считать это колебание чисто графическим явлением, в то время как сопутствующие контексты ярко и последовательно отражают твердость шипящих и *ц* (ср., например: «Да что у меня Дмитрия оставаецца самопал, да три луки, да 19 сетей ижерок, да поножы и пленицы...»¹³). Можно предположить, что «незакономерные» написания с *e* обусловлены живым влиянием носителей карельского языка, в котором *ж*, в отличие от русского языка, никогда не утрачивало исконной мягкости.

С. А. Мызников
Санкт-Петербург

О некоторых спорных прибалтийско-финских этимологиях у Я. Калимы

В деле изучения прибалтийско-финского лексического наследия в русском языке принимали участие многие известные ученые, оставившие заметный след и в других сферах лингвистических исследований. Однако наиболее весомый вклад в изучение данной проблемы внес Яло Калима, классические труды которого востребованы и в настоящее время, а его работа «Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen с подзаголовком «Akademische Abhandlung» («Академическое исследование»), представленная к публичной защите в качестве магистерской диссертации философским факультетом Гельсингфорского университета и защищенная 28 мая 1915 г., является образцом этимологических исследований для неисконной лексики. Она была напечатана в типографии Финского литературного общества в 1915 г. [Kalima 1915], а затем перепечатана в «Mémoires de la Société Finno-Ougrienne» в 1919 г.

¹³ Акты Холмогорской и Устюжской епархии. Ч. 2. С. 249.